

был человеком великой честности и, что самое главное, великого ума. Многие из вас, надеюсь, читали его трехтомные «Воспоминания» и помнят те блестяще-беспошадные оценки, которые давал он отдельным политическим личностям и в целом событиям...» (с. 90). Я с почтением отношусь к С. Ю. Вите, тем более что он инициировал создание моего родного Санкт-Петербургского политехнического института, но профессиональные историки знают, что к такому виду источников, как мемуары, нужно относиться очень осторожно. Что же касается мемуаров С. Ю. Вите, то, пожалуй, трудно найти какие-то другие, где чувства политического изгоя столь мощно выплеснулись в формулировках и характеристиках того времени и его современников. Обиженный (пусть даже неспра-

ведливо) крупный политик, увы, не может объективно отразить правду своего времени. Правдивой остается только его душевная боль.

В. М. Бузинов сам субъективен. Ему очень симпатичен С. Ю. Вите, крайне неприятен (что бы не сказать более) В. И. Ленин и не совсем импонирует М. Горький. Это, конечно же, право автора, но книга-то историческая. А в подобных книгах любовь и неприязнь — плохие попутчики.

Замечательный язык книги очаровывает. Потому-то она и читается легко, как ручеек бежит. Но в чистой воде этого «ручейка» встречаются и совсем уж странные предметы. Неожиданно узнаю, что фильм Сергея Эйзенштейна «Октябрь» с точки зрения показа реальных деталей штурма — «туфта» (с. 200). Мысль-то автора абсолют-

но верная. Об этом, в частности, блестяще писал и говорил профессор В. И. Старцев. Что же касается формулировок...

Как-то не привлекают и отдельные покровительственные нотки в повествовании. Такие, как: «Да, упорные, видно, были ребята в Совете...» (с. 244).

Подобное отношение к прошлому, конечно же, имеет право на жизнь. Но это — совсем другой жанр, который в контексте интереснейшего исторического повествования совсем неуместен.

...Перечитав все написанное мною, я подумал: а может быть, остановиться лишь на «хвалебной» части рецензии? Но понял, что не сделаю этого, потому что очень дорожу этой книгой, и мне хочется, чтобы она, как близкий человек, становилась все лучше и лучше.

Моя родня — петербуржцы

Скоро будет всенародно отмечаться 300-летие Санкт-Петербурга.

Если бы не мой возраст (91 год) и состояние здоровья, то и письма этого не было бы, я бы — приехал в Санкт-Петербург, на дни празднования его юбилея, ибо слишком многое в жизни моей и моих предков, связано с этим городом.

Позволю себе кое-что напомнить.

Мой дед, Григорий Андреевич Янчевецкий, после окончания Киевского университета и нескольких лет службы в киевских гимназиях с помощью некоторых его друзей-петербуржцев перебрался в Петербург, где около десяти лет жил и работал помощником известнейшего в ту пору либерала-издателя и редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Б. Полевого, жил со своей семьей в его квартире на Невском проспекте, где бывало все просвещенное общество Петербурга, а жена Григория Андреевича, уже к тому времени имевшая троих детей — Дмитрия, Василия и Елену, исполняла роль хозяйки дома Б. Полевого, недавно овдовевшего. Это продолжалось до убийства Александра II, и мой отец — тогда 5-7 летний Вася — видел такие исторические фигуры, бывавшие на журфиксах Б. Полевого, как генерала Скобелева, писателя Тургенева, художника Верещагина и многих других зна-

Слева направо: сын писателя Василия Яна М. В. Янчевецкий, главный редактор журнала «История Петербурга» С. Н. Полторак, внучка Василия Яна М. М. Янчевецкая

менитостей той поры, о чем позже вспоминал мой отец.

После нескольких поездок в Германию и обожаемую им Грецию он с 1882 года на двадцать лет поселился в Прибалтике, где в Риге и Ревеле (Таллине) директорствовал в трех гимназиях, переводил и преподавал греческих классиков, редактировал и издавал газету «Ревельские известия», приобрел множество учеников,

пока тяжело не заболел и упокоился на Смоленском кладбище Петербурга, где до сей поры высился видный могильный монумент (в 1975 году члены Комиссии по литнаследию В. Яна посетили его); рядом находится и могильный камень над захоронением первой жены В. Яна — Марии Бурмантовой.

Оба сына Григория Андреевича, окончив ревельские гимназии, посту-

пили в Петербургский университет, закончили его, жили в Санкт-Петербурге, проявив себя в журналистике. Старший Дмитрий, после обороны Порт-Артура, представлял Российское телеграфное агентство в Вене; младший Василий, после «хождения» по России, поездки в Англию, трех лет службы в Средней Азии и тоже участия в Русско-японской войне, поселился в Санкт-Петербурге, был учителем 1-й гимназии и основателем первого в России отряда «юных разведчиков» (наподобие английских скаутов), издавал журнал «Ученик», одновременно сотрудничая в петербургских газетах и будучи редактором столыпинской газеты «Россия», где он встретил мою мать, Ольгу Петровну Виноградову, служившую там корректором. Тогда же, в 1911 году, я появился на свет в Петербурге, а жили мы на берегу реки Фонтанки, в доме № 52, на котором в конце XX века установили о том мемориальную доску (надеюсь, существующую). Тогда же Василий Ян выделил из своих гимназических учеников, ставших впоследствии писателями и поэтами, Вс. Рождественского, Леон. Борисова, Евг. Федорова, Вс. Вишневого («Мы

из Кронштадта») и ряд других талантливых юношей-гимназистов 1-й Петербургской гимназии.

Мой отец после убийства Столыпина, тяжело им воспринятого, уехал представителем РОСТА на Балканы, в Турцию, побывав и в ряде балканских стран, ведших между собой «малые Балканские войны», а также в Иране, Сербии, проживая в Константинополе, где жили и мы с матерью.

С началом в 1914 году Первой мировой войны Василий Ян был переведен в Румынию, затем вернулся в Россию после Февральской революции, был в Сибири, редактировал там передвижную газету «Вперед» (помещавшуюся в железнодорожных вагонах), чем помог из-бежать колчаковской мобилизации работавшим наборщиками и ставшим впоследствии известными писателями Вс. Иванову, Бор. Четверикову, Ник. Анову, а также некоторым другим. Конец этой газете пришел после известного взрыва эшелона с боеприпасами, стоявшего рядом с эшеленом газеты, когда были ранены осколками оконных стекол жена, дочь, сын В. Яна, то есть я.

После короткого периода жизни в Туве и Минусинске, где В. Ян

учительствовал, потом редактировал газету «Власть труда», он написал ряд произведений, в том числе и пьес, одна из которых, «Нита» (о колчаковщине), была поставлена на сцене Минусинского театра, и 17 февраля 2003 года тому исполнится 80 лет.

Мой отец, ставший писателем В. Яном, поселился в Москве, где прожил 30 лет (1923–1954). Он посетил Ленинград дважды: в начале 30-х годов, работая над книгой «Два канала» (Панамский и Белорусско-Балтийский), и в 1952 году на пути в Таллин и Ригу, где отдыхал в Дубултах — тогда он добыл мою метрическую запись о том, что я родился в Санкт-Петербурге, а не в Константинополе, как это значилось до того и повлияло на мою реабилитацию.

Умер мой отец в Звенигороде (под Москвой), но всегда считал себя петербуржцем.

Что бы я мог еще сделать такого, что поможет приобщить меня и моих родителей к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга?

Москва, 19.XI.2002 г.

М. В. Янчевецкий, сын писателя
Василия Яна

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы благодарим замечательного петербуржца Михаила Васильевича Янчевецкого за это письмо, за память об отце — выдающемся писателе Василии Яне. Ваш оптимизм, крепкое здоровье, любовь к Петербургу и петербуржцам — лучший подарок к юбилею нашего города!

Я его так же люблю, как и ненавижу*

Было что-то странное, жуткое в возникновении Петербурга, в судьбе его, в его отношении ко всей огромной России, в его оторванности от народной жизни, что-то разом и властно порабощающее и призрачное.

Н. Бердяев. Астральный роман

В. Ф. Пятинин

Все люди, где бы они ни проживали, желают себе счастья. А что такое счастье? Каждый человек по-своему объясняет понятие счастья. Если обобщить множество мнений, то можно сказать: «Счастье — это состояние души». А что такое душа? Душа — это внутренний мир человека, его переживания, чувства. Выходит, что главное — внутренний мир человека, а не обладание каким-либо богатством. Внешний мир может всячески меняться в нашем сознании в зависимости от души, от ее состояния, чувств и переживаний. Оскверненная душа создает вокруг себя оскверненный мир, ненависть, а чистая душа — чистый мир, любовь. Душа меняется, как текучая вода, как горящее пламя.

Она вечно в движении. Мы ошибочно считаем, что окружающий мир находится вне нас. На самом деле — мы находимся внутри этого мира. Планеты, географическое положение города, дома, деревья, цветы, одежда, запахи — все воздействует на нас, на наше здоровье, настроение и поведение. Существует даже учение (Фэн Шуй) о взаимоотношениях энергетических полей человека и окружающей его природы. Человек всему подвластен, и все управляет им, ибо небо и земля и он сам — одного происхождения, все вещи и он сам — одной субстанции. Чувства нельзя вызвать по команде. Чувства следуют за действиями:

— что мы видим,

* В статье использованы рисунки художника Виктора Курьяндского, выполненные в декабре 2002 г.